

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

III

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Е. БЕРТЕЛЬС

Тарзи Афшар и его творчество

I

За последние годы молодые персидские литературоведы все больше и больше разворачивают работу по изданию и исследованию ряда памятников старой персидской литературы. Не все появляющиеся в печати труды одинаково ценны, есть еще и много ошибок, не всегда учитываются требования, предъявляемые современной наукой к критическому изданию текста, но тем не менее делается большое и полезное дело, и многое, что до сих пор в рукописном виде скрывалось в недрах частных коллекций, становится доступным для более широких кругов исследователей. Среди этих вышедших за последние годы изданий заслуживает внимания диван Тарзи Афшара, изданный в 1931 г. М. Тамаддуном.¹

Тарзи Афшар принадлежит к числу поэтов середины XVII в., т. е. того периода персидской литературы, который до настоящего времени изучен чрезвычайно мало. Авторы этого периода европейская наука уже давно признала эпигонами классической литературы, не внесшими ничего оригинального, и потому считала возможным заканчивать рассмотрение истории персидской литературы концом XV в., в отношении позднейших периодов довольствуясь лишь самыми общими замечаниями. Даже и последний четвертый том большого труда Эд. Броуна, охватывающий период с 1500 г. до наших дней, не мог восполнить этого пробела хотя бы уже потому, что обнять всю литературную продукцию за четыреста с лишком лет в одном томе оказалось невозможным.

Диван Тарзи представляет особый интерес, помимо указанного обстоятельства, еще и потому, что до настоящего времени творчество этого крайне своеобразного поэта почти совершенно не было известно, так как

¹ Divān-i Tarzī Afshār. Muṣaḥḥih va mudavvin: Tamaddun. Az nashriyāt-i kitābkhāna-y-i Tamaddun. Riżā'īya [1309], XXIV+208+5 pp.

рукописи его, поскольку я могу судить, в европейских книгохранилищах не представлены совершенно, а потому и упоминания о нем ни у одного европейского исследователя не имеется.¹

На Востоке в силу особенностей своего творчества, он, повидимому, тоже особого распространения не получил. Ни печатных, ни литографированных изданий его не появлялось, да и в антологиях, этом обычном источнике сведений о персидской поэзии, произведения его почти нигде не включены. Из всех доступных мне тезкире только одна *Maǰma' al-fuṣaḥā Riza' Kūlī-xāna Xida'iat* посвящает ему чрезвычайно краткую и бес-содержательную заметку, состоящую из приблизительного указания времени его деятельности (середина XI в. хиджры = первой половине XVII в. н. э.) и около двух десятков бейтов его стихов, далеко не принадлежащих к наиболее типичным и характерным для этого интересного поэта.²

Таким образом, для большинства иранистов диван этот представляет собой совершенно новый материал, почему я и считаю не лишним в настоящей небольшой заметке обратить на него внимание всех интересующихся персидской литературой и попытаться вкратце охарактеризовать эту интересную фигуру, до сих пор нам остававшуюся совершенно неизвестной.

Творчество *Ṭarzi* весьма интересно прежде всего в языковом отношении, так как он пытается разбить установленный вековым развитием придворной персидской поэзии языковой штамп и заменить его своими собственными приемами, подражателей, однако, не нашедшими. Но, независимо от этого, и по содержанию диван этот тоже крайне своеобразен и заслу-

¹ Из всех европейских историков персидской литературы имя *Ṭarzi* упоминается у Г. Этэ (*Grundriss der iran. Philologie*, II, 333), который сообщает, что некий мулла *Ṭarzi* составил в 1616 г. н. э. сборник рассказов под названием *Ma'dan al-javābir* (Копь драгоценных камней) в подражание Гулистану Са'ди и поднес его индийскому императору Джихангйру. Рукописи этого произведения известны в более пространной и сокращенной редакциях и описаны в каталогах: *Ethé, India Office*, № 793, *Ethé & Sachau, Bodleiana*, № № 464 и 465, *Pertsch, Berl. Kat.*, p. 983 и *Aumer, München, Kat.*, p. 9. К сожалению, в Ленинграде ни одного экземпляра этого произведения нет, и потому сказать о нем что-либо определенное невозможно. Описания всех упомянутых каталогов крайне скудны, и достаточной точки опоры не дают. С другой стороны, хронологические соображения как будто препятствуют признать это произведение принадлежащим перу нашего поэта. Хотя *Ṭarzi* по его собственным словам и бывал в Индии, но в 1616 г. он, вероятно, был еще совсем молодым человеком в возрасте не более 17—18 лет и едва ли мог уже в это время попасть в Индию. Если же допустить, что уже в 1616 г. он был зрелым человеком, закончившим учебу и т. д., тогда придется только заключить, что он дожил до весьма почтенного возраста, в чем, правда, ничего невозможного нет. Во всяком случае, не имея самого произведения, можно только гадать, что в данном случае является занятием совершенно бесполезным.

² *Maǰma' al-fuṣaḥā*, II, 24.

живает хотя бы краткого анализа. Поэтому заметка моя естественно распадается на две части: 1) характеристика содержания дивана Тарзй и 2) анализ его метода языковой работы.

Изданию текста М. Тамаддун предпослал небольшое вступление, посвященное, как он говорит, личности поэта и анализу его стиля. Если в отношении установления биографии им действительно проделана довольно большая работа, то к анализу стиля он в своем вступлении даже и не приступал, и потому в этой части мне пришлось проглядывать свои собственные пути. Добытые М. Тамаддуном данные я использую здесь полностью, хотя должен оговорить, что, как будет видно из дальнейшего, не во всем с ним можно согласиться, и громадное количество содержащегося в диване автобиографического материала использовано им далеко не в достаточной мере. Понятно, конечно, что цели, которые ставит себе издатель, значительно разнятся от намеченной мной задачи, а потому и многое из того, что для меня представляет факт первостепенной важности, ему казалось не стоящим внимания. Конечно, я отнюдь не предполагаю, что настоящая заметка исчерпает проблему Тарзй всю до конца. Охватить все детали пока невозможно, да едва ли и нужно. Пока желательно только очертить более или менее отчетливо его фигуру и установить его место в истории персидской литературы.

II. Личность Тарзи. Социальные устремления его творчества

О жизни Тарзй, как и о жизни большинства персидских авторов, известно крайне мало. Так как составители обошли его молчанием, то даже и обычных шатких хронологических данных, вроде даты смерти и приблизительного указания долготы жизни, мы в данном случае не имеем. Как мы видели выше, Риза-Кули-хан относит его к середине XI в. х. Это подтверждается и теми сведениями, которые можно добыть из самого дивана Тарзй. Так, из того сравнительно небольшого числа касыд, которые там имеются, значительная часть прославляет сефевидов — шаха Сафй (правил 1628—42) и его преемника шаха 'Аббаса II (1642—67). Если к этому прибавить еще дату, имеющуюся в одном из стихотворений, в котором он мечтает о возвращении в Тавриз, а именно в 1059 г. х. = 1650 г. н. э., то становится очевидным, что указание Риза-Кули-хана правильно и очевидно основывается на использовании самого дивана. Так как преемник 'Аббаса II Сулейман I в диване не упоминается, то можно с довольно большим вероятием предполагать, что к 1667 г.

Тарзй уже не было в живых. В одном из стихотворений (стр. 101) встречается такой бейт:

* کم شنیدن شوم باعث کم حرفیدن *
* شکر بسیار من از گوش کر خود دارم *

«То, что я мало (= плохо) слышу, побуждает меня мало говорить, я крайне благодарен своему глухому уху (за это)».

Отсюда можно заключить, что Тарзй дожил до такого возраста, когда слух его уже начал притупляться и, таким образом, весьма приблизительно датировать его жизнь между 1600—1667 г.

Прозвание Афшар указывает на его принадлежность к турецкому племени этого названия, представители которого разбросаны по всей Персии, но, повидимому, преобладают в северных ее провинциях: Азербайджане, Хорасане и Мазандеране.¹

Место его рождения точно неизвестно. Тамаддун предполагает, что он родился в деревушке Тарзлу округа Урмии, но предположение это основывается только на названии деревушки. С другой стороны, частое упоминание в диване Тавриза как будто подкрепляет предположение о том, что Тарзй ведет свое происхождение из этой части Персии.

Учился Тарзй в Исфагане, у кого и как, неизвестно. С уверенностью можно только сказать, что образование свое он должен был получить в одном из медресэ этого города, так как других учебных заведений в то время и не имелось. Сам он называет себя *ṣard-i mullā* (стр. 97), очевидно, в обычном для того времени значении получившего образование в медресэ, на то же указывают его солидные познания в арабском языке, которыми он хвастается и которые вполне подтверждаются его стихами. По окончании образования наступил, повидимому, обычный для *ṭālib-i ʿilm* — «ищущих знания» длительный период *Wanderjahre*, во время которого Тарзй изъездил весь мусульманский мир вдоль и поперек, от Средней Азии и до Индии, от Хиджаза и до Рума. Упоминает он и о странах франков, где он тоже бывал, но что он под этим понимает, решить невозможно. Рассказывая о своих странствиях, Тарзй с гордостью отмечает, что он так хорошо владел тремя главными языками Переднего Востока, арабским, персидским и турецким, что нигде его не принимали за иностранца и всюду считали своим.

¹ Cp. Cl. Huart. *Afshār*. Enc. d. Isl., I, 181.

* ترکيدم و ناتيدم و آنگه عربيدم *
 * در دیده ء صاحب نظران بو العجبيدم *

«Я отуречился и оперсидился, а затем обарабился, в глазах проницательных мужей стал я явлением изумительным» (стр. 91).

Самый порядок перечисления языков — турецкий вначале — как будто показывает, что турецкий Тарзи́ считает своим первым, т. е. родным языком. Интересен здесь термин *tāt*, который поэт прилагает к персам. Другая строчка (стр. 154) *گر تات شهری است و گر ترک لشکری* «будь то городской тат, или турок-военный» показывает, что это обозначение турецкой гвардией сефевидов прилагалось в особенности к городскому населению.

Когда Тарзи́ начал писать стихи и как вступил на поприще поэтической деятельности — из дивана не видно.

Во всяком случае по возвращении из путешествий он прибыл ко двору Сефевидов, где при помощи созданного им нового стиля поэзии начал пытаться завоевать себе прочное положение.

Надо думать, что это далось ему нелегко, ибо строчка

بدرگاه شهان یابند بار آهسته آهسته

«Ко двору царей доступ получают только медленно, медленно» (стр. 117), повидимому, говорит о довольно печальном опыте в этом направлении. Наконец, желание его осуществилось, и он добился доступа ко двору. Однако, времена были уже не прежние. Сефевиды не осыпали дарами своих поэтов, как это делалось во времена ‘Унсурі, Анварі и прочих великих поэтов прошлого, легенды о сказочном богатстве которых увлекали многих, заставляя их испробовать свои силы на этом заманчивом поприще. Результат, которого добился Тарзи́, повидимому, выражен в следующем руба’и (стр. 140):

* این نه تومان وظیفه کز بهر معاش *
 * لطفیده صغی شهم که خلداد خداهش *
 * تصحیف نایده زان سبب می ندهند *
 * نعم البرلانیره دهیدندی کاش *

«Те девять туманов жалованья, которые мне пожаловал для пропитания Сафи-шах, да подаст ему бог вечную жизнь, не проведены еще по ведо-

мости, потому и не выдают их. Сделали бы добрую замену, довели бы их до десяти».

Видимо был назначен весьма скромный оклад в размере девяти туманов, но и тот застрял в шахских канцеляриях. Девять месяцев Тарзй оклачивал пороги канцелярии, умоляя чиновных взяточников о выдаче назначенных ему денег, пока, наконец, добился осуществления своего права.¹

Даже и более смелые мечты о десяти и даже одиннадцати туманах осуществились. Но дальше дело не пошло.

Тарзй взывает о двенадцати туманах, говорит, что на получаемые им деньги жить нельзя (стр. 141), но ни из одной строчки не видно, что эти мольбы его были услышаны. Правда, шах, повидимому, помог Тарзй жениться, но после этого положение его еще ухудшилось, так как по всему дивану разбросаны жалобы на нищету, на необходимость довольствоваться одним ячменным хлебом, а иногда обходиться даже и совсем без него:

* شعبان رمضان گر به پلاوم متعجب *
* بی آش جادیدم و بی نان رحیدم *

«Если в Ша'бан и Рамазан я сижу за пловом, не дивись. Ведь Джумаду я провел без похлебки, а Раджаб и без хлеба» (стр. 92).

Тарзй, видимо, убеждается, что это положение вещей непоправимо и старается с ним примириться:

* از چکش صد مشت میفرقد نمی بالاسرد *
* برد باری یاد از مسمار میباید گرفت *

«У гвоздя надо учиться терпению и выносливости — сто ударов по голове он получает от молотка и не старается поднять голову» (стр. 22).

Более того, Тарзй даже начинает находить мрачное удовлетворение в таком положении и старается найти в нем положительную сторону — с бедняка, ведь, ни дани, ни подати не возьмешь.

* خوشا آن سرکه سامانی ندارد *
* بعالم جز غم نانی ندارد *
* مگر از پشم خایه اش باج خواهند *
* کسی کو باغ و بستانی ندارد *

¹ Картина, в точности напоминающая знаменитое письмо Фузӯли, в котором он описывает свою борьбу с бюрократами того времени.

«Счастливы тот, у кого ничего нет, кто во всем мире не заботится ни о чем, кроме куска хлеба. Что-ж, может быть, у него потребуют подати, с... у того, у кого нет ни сада, ни огорода» (стр. 32).

Или такие строки:

* اهل عجب و ریا دماغیدند *
 * من فقیریدم و حقیریدم *
 * هرگز از کس نخواستم چیزی *
 * گر قلیلیدم ار کثیریدم *

«Гордецы и лицемеры разжились, а я обнищал и впал в ничтожество. Но никогда я ни у кого ничего не просил, много ли было у меня, или мало» (стр. 96).

Но это смирение далось Тарзи не легко. Чрезвычайно показательным одно его стихотворение, в котором он отводит душу по адресу военной знати, состоявшей в те времена преимущественно из турок-кочевников, игравших при Сефевидах роль телохранителей, своего рода лейб-гвардии, пользовавшейся всеми благами жизни за счет ограбляемого населения.

Стихотворение это крайне характерно и заслуживает быть приведенным здесь целиком:

تا کی بمنتیم ز ترکان و طولهم * یارب فراغتی که نگردیم حولهم
 پشین کلاه عزلت و دلچ کهن لنا * تاج غرور و جامهء دیبای نو لهم
 ما مفلسان بنان جوی میقناعیم * یعنی پلاو و قلیه و کو کو چلو لهم
 رفتن بسوی مدرسهها لنگ لنگ لی * در عرصهها جهاندن اسب بدو لهم
 کهنه قلنراش عدیم البرش لنا * شمشیر جوهریدهء تازه قلو لهم
 لیفه دوات و کلغذ و قطزن قلم لنا * افسار و تبره و جل و شال و قشو لهم
 خاموشی و مطالعهء مختصر لنا * چون سگ همیشه عوعو و چون گربه مولهم
 مشک و گلاب و عنبر و عود و عبیرلی * چماق و سنگ و آتش و غلیان و قولهم
 نسبیح و ذکر شانه و مسواک و مهرلی * قوش و طماغه و مرس و جنقرو لهم
 گر گلرخان بکلبهء ما بیزران رسند * گیرم کنیم خرقةء پشین گرو لهم
 اما خدا نکرده اگر غازیان گلند * میحاصلیم ما ز کجا گاه و جو لهم
 صد سال اگر علوفه خورند از جوال خویش * منت بجان ما است بیا و برو لهم
 رومی بنات نعلش صفت می تغرقند * آرند چون سپاه قلباش هو لهم
 گویند احمقان که الو بهتر از پلو * روز جزا پلاو لنا و الو لهم

* سردیده اند اهل زمان طرزیا زما *
 * باریده گوئیا همه قار و قبرو لهم *

(стр. 97).

Перевод

1. Доколе же мы будем зависеть от турок и насилия их. О боже, дай нам покой, чтобы нам не надо было приближаться к ним.
2. Войлочный колпак уединения и рваное рубище нам, а венец гордыни и кафтан из нового шелка — это им.
3. Мы — бедняки довольствуемся ячменным хлебом, — жирный плов, жаркое и чилос с яичницей — это им.
4. Брести, прихрамывая, в медресе — нам, гонять скакунов по площадям — это им.
5. Старый, тупой перочинный нож — нам, разукрашенный драгоценными камнями, только что отполированный меч — это им.
6. Ватка, чернильница и обрезанный калам — нам, узда, барабанчик, попона, шаль и скребница — это им.
7. Молчание, да изредка чтение — нам, лай собачий и мяуканье кошачье — это им.
8. Muskus и розовая вода и амбра и сандал — мне, кремень и камень и огонь и кальян и трут — это им.
9. Четки, зикр, гребень, да зубочистка и мухр — мне, колпачек, путы и колокольцы — это им.
10. Если розовощекие придут в хижину к нам, у которых нет золота, думаю, придется нам заложить им шерстяную хырку...
11. Но, не дай бог, если придут «борцы за веру», откуда же мы добудем для них солому и ячмень.
12. Если они сто лет будут есть провиант из своей торбы, нам — надлежит чувствовать себя обязанными, а им — бродить взад и вперед.
13. Румцы рассыпаются словно Большая Медведица, когда прикрикнет на них войско кызылбашей.
14. Дураки говорят: «огонь лучше плова»,¹ в день воздаяния (да будет) плов — нам, а пламя — им.
15. Охладели к нам, о, Тарзй, современники, словно на них шел снег и падал иней...

¹ Азербайджанская поговорка, которую говорят в холодное время, в том смысле, что сейчас погреться даже лучше, чем поесть.

Это стихотворение крайне интересно, так как оно ярко обрисовывает военных бездельников, которых Тарзи иронически называет «борцами за веру», гарцующих на конях и обирающих беззащитное население. Им противопоставлен горожанин — ученый мулла, загнанный и забытый, который должен все отдать, да еще чувствовать себя «обязанным».

Характерен восьмой бейт, где военным приписываются все принадлежности для курения, к которому Тарзи относится резко отрицательно и посвятил ему даже отдельное стихотворение, в котором каждый бейт кончается призывом *متنبا کوئید* (стр. 174). Кальян он считает «сатанинским делом» и в то же время фиксирует его как неизбежную принадлежность «борцов за веру». Да и все то военное сословие ему, повидимому, кажется не особенно нужным, как это видно из такого бейта (стр. 7):

* هر يك از قوس قضا تير اجل خواهند خورد *
مردمان را گو که اين توپ و تفنگيدن چرا

«Всякий будет пронзен стрелой смертного часа из лука предопределения, скажи же людям, зачем эта (пальба из) пушек и ружей».

Стихотворение, приведенное выше, весьма своеобразно и по своей форме. В нем тесно переплетены все три языка, причем турецкие слова все время сочетаются с образом турецкой знати и так даже в звуковом отношении очерчивают его резко и ярко.

Не нужно, однако, полагать, что таких стихотворений, как то, что было приведено мною выше, у Тарзи много. Таких выражено личных и характерных строк три-четыре десятка, не больше. Остальной диван по содержанию ничем не отличается от всей лирической продукции придворной поэзии Персии, как этой, так и последующих эпох. Это все та же шаблонная эротика, воспевание щек, родинок, бровей и т. п., сотни тысяч раз уже повторявшаяся и до него.

Оригинальность его не в содержании, поскольку речь идет не о тех отдельных бейтах, о которых мы говорили выше. Его личная нота в том любопытном словотворчестве, которое составляет его исключительную принадлежность и характеристике которого мы посвятим следующую главу. Здесь же в заключение этой части попытаемся сделать некоторые выводы из всего сказанного. Разбор содержания дивана Тарзи ясно показывает, что в его лице мы имеем обычный тип придворного поэта феодального периода. Все его особенности вытекают только из того, что он не добился признания, на которое рассчитывал, и особенно резко ощутил противоречие между фео-

дальним замком и прилепившимся к нему городом, питающимся за счет вельможи, но в то же время жестоко страдающим от его произвола. Обычно буржуазия Персии возвышала свои протесты почти всегда облеченными в оболочку суфийских поучений и обещаний райских утех. Здесь резко выраженная индивидуальность прорвалась сквозь традиции стиля и высказала в стихах то, что по большей части говорилось, верно, только с глазу на глаз и тщательно утанвалось от господ.

Этого факта самого по себе уже достаточно, чтобы выделить Тарзй в ряду его сверстников. Но к этому еще присоединяется его языковая техника, к рассмотрению которой мы теперь и перейдем.

III. Словотворчество в поэзии Тарзй

Для большей удобопонятности я буду рассматривать словообразования в диване Тарзй в порядке постепенного усложнения, начиная от более простых форм и постепенно переходя к более сложным. Возможно, что таков был и ход постепенной эволюции языка у Тарзй, хотя ручаться за это, конечно, нельзя. Хронологической опоры стихи его не дают, и сказать, что написано раньше и что позже, совершенно невозможно. Таким образом, приводимое мною расчленение есть только технический прием, применяемый в интересах читателя.

Начнем с категории имен. В этой области нововведения Тарзй сравнительно не особенно обильны и не слишком оригинальны. Заключаются они, главным образом, в том, что Тарзй пользуется словарным запасом всех трех главных языков Переднего Востока: арабского, персидского и турецкого, почти на равных основаниях. Само по себе это явление ничего особенного собой не представляет. Мы знаем, насколько велик процент арабских слов в персидском литературном языке и знаем, что для умножения этих заимствований и в настоящее время, фактически, ни малейших препятствий нет. Достаточно хорошо известно и то, что персидский язык, заимствуя арабское имя, зачастую с тем вместе берет и связанные с ним предлоги, местоимения, суффиксы и т. п.

Обилие турецких слов в живом языке тоже факт достаточно хорошо засвидетельствованный. Однако, при таких заимствованиях, естественно, смешение языковых норм разных языков допустимо только в известных пределах. Если применение окончаний множественного числа своего родного языка к заимствованному слову можно считать явлением нормальным и широко распространенным во всех языках мира и в том числе и в персидском (malikān наряду с mulūk, qāziyān наряду с quzāt и т. д.), то обратное

явление, т. е. присоединение заимствованных окончаний к родному слову безусловно можно считать нарушением обычных норм языка.¹

Поэтому, если мы могли бы признать более или менее естественным такой факт, как присоединение в диване Тарзи турецкого суффикса вин. пад. *ni* к персидскому слову в форме *zabāni-ni* (стр. 4),² то присоединение арабских суффиксов к персидским и даже турецким словам безусловно поражает слух своей необычностью. Примеров таких сочетаний в диване немного, из них главные — это использование арабского окончания двойств. числа *-aun* в сочетании с персидскими и турецкими словами, как, напр. *qanā'at mī ba-qurṣaun-ī javīnaun-ā* (стр. 6) — «довольствуйся двумя ячменными хлебами», или *ān rukh saqalaun-ā* (стр. 9) — «эти два грязнобородых» (от азерб. *rukh*).

Количество турецких слов вообще в диване Тарзи значительно превосходит обычную норму, их чрезвычайно много и они взяты из всех возможных областей. Для примера достаточно будет привести хотя бы такой ряд:

اگوز — бык, پرمغ — палец, داغ — гора, قناع — гость, طباعه — клубочек у сокола, قلو — полпровка, قرو — изморозь, قار — снег, دوت — держи, بغله — вяжи, گنور — принеси, قویمازیدیم — я не пускал, در — глагол связка, منمک — садиться верхом и т. п.

Этот ряд с легкостью можно было бы умножить, но и этого достаточно, чтобы показать, какое мы здесь имеем разнообразие, не только имена, но и ряд глагольных форм и даже глагол-связку. При этом считаю нужным подчеркнуть, что в диване Тарзи есть и целые стихотворения, написанные по-турецки, но они мною сюда не привлекались, ибо, конечно, *diğ* в турецкой фразе ничего необычного не представляет, но, появляясь в одиночестве в целой персидской фразе, крайне поражает глаз.

Далее, Тарзи считает возможным сочетать турецкие слова с персидскими в сложные образования, отчего возникает форма вроде *ish-ī bī-ish* от тур. *ish* — дело и перс. предл. *bī* — без в бейте:

* عاشقی کار کردانان است *

* خواندن درس ایش بی ایش است *

«Влюбленность — дело опытных, чтение лекций — дело бездельника» (стр. 19).

¹ Впрочем и это явление живому персидскому яз. знакомо, ср. *bāghāt, dihāt, rūznā-majāt* и т. п.

² Правда, естественным он был бы, если бы вся фраза была турецкой, но в таком сочетании *کساندی که زباننی کسنددا* «было бы лучше, чтобы язык его отрезали», он все-таки поражает. Здесь *kasand-ā* от тур. *kes* = резать. Об этом далее.

Нельзя не отметить еще того факта, что начертание турецких слов явно указывает на азербайджанскую фонетику: *qunāgh* (|| *qunax*), *ragmāgh* (|| *ragtax*) и т. п. Это вполне понятно, если учесть, что главным центром деятельности Тарзй был Тавриз.

Как довольно своеобразный прием укажу еще широкое использование уменьшит. суффикса *-ak*, на применении которого в самых неожиданных комбинациях построена целая газель (стр. 133), начинающаяся бейтом:

* *afnāde dāl bēdamk waḥṣī nāghī* *
 * *bīrahmī stmārkī dāl siyahī* *

который приблизительно можно было бы передать так: «попало сердце в (твой) силочки, о дикоглазочка, безжалостненький, тиранчик, черносердечка».

Следом за этим вступлением идет на семи бейтах сплошной букет таких же образований, среди которых особенно интересно *maḥak* — уменьшит. от *maḥ-ya*, т. е. что-то вроде «я-ечка», форма, которую почти невозможно воспроизвести ни на одном языке.

Из других не вполне обычных для персидского литературного языка форм упомяну только такое архаичное применение суффикса *-ash*, которое, не будучи чем-либо особенно необычным для живого разговорного языка, на фоне литературного языка все же выделяется (стр. 10):

* *az pādshāh mī ʿajīb kashī nī ṣald* *
 * *ain iḥṭarāʿ nāze w ṭariz ʿajīb ra* *

«Я дивлюсь падишаху, что он не награждает это новое изобретение и удивительный стиль». Здесь *k'ash* взято так, как если бы *na-mī-ṣilad* было бы страдат. залогом, т. е. «что им не награждается».

Приведенные примеры показывают, что, как уже было сказано, манипуляции Тарзй с именами не особенно сложны. Пользуясь сравнением из другой области, можно было бы сказать, что он, сохраняя обычный состав оркестра, заставляет, однако, все инструменты играть не в том регистре, который для них естественен. Этот прием известен у ряда композиторов и достигается им обычно особо напряженное и вычурное звучание (Скрябин). Та же вычурность поражает и в этих газелях, что впрочем и являлось той целью, к которой поэт стремился.

Наиболее интересны те манипуляции, которые Тарзй проделывает с глаголом. Прежде чем приступить к систематическому разбору их,

напомню, что персидский язык для образования так называемых «деноминативных» глаголов располагает окончанием *-īdan*, при помощи которого от целого ряда имен могут быть образованы глаголы (свойство, разделяемое им с целым рядом других языков). Так, получаем глаголы типа:

nām-īdan — именовать от *nām* — имя,
khāb-īdan — спать от *khāb* — сон,
surān-īdan — пасти стадо от *sūrān* — пастух.

Окончание это может присоединяться и к заимствованным именам, что однако, наблюдается крайне редко, напр.

fahm-īdan — понимать от ар. *fahm* — понимание,
ṭalab-īdan — требовать от ар. *ṭalab* — требование,
tiligrāf-īdan — телеграфировать и т. п.

Нужно, однако, оговорить, что используется это могучее средство литературным персидским языком сравнительно очень мало, и в большинстве случаев наблюдается отказ от него в пользу образования сложных глаголов с именем + вспомог. глаголы различного типа: *nām guzāshdan*, *khāb kardan*, *ṭalab kardan* и т. д.

Тарзи широко использует эту возможность, но при этом не ограничивается такими словами, в соединении с которыми это окончание дало бы глаголы более или менее обычного типа, а присоединяет его к любому слову, получая, таким образом, глаголы, значение которых далеко не всегда сразу ясно и передача которых на каком-либо другом языке подчас весьма затруднительна. При этом в качестве основы берется любое слово любого из трех названных языков, и тем пестрота еще более увеличивается. Окончание это может присоединяться как к единичному имени, так и к более сложному составному образованию. Примеры можно привести такие:

А. Глаголы, образованные от простых основ

а) Персидских:

hast-īdan делать существующим, творить от *hast* — есть (*hastid* — сотворил, 2);¹

mīv-īdan пользоваться плодами, брать плоды, от *mīva* — плод с отпадением конечного *-a* (*bi-mīvad*, сосл. накл., 5);

¹ В скобках привожу те формы, в которых глаголы эти применены. Цифра — указание страницы.

mast-īdan опьяняться, от mast — пьяный, полная аналогия русскому (mī-mastam, 6);

bāda-īdan пить вино, винопийствовать, от bāda — вино (bādaīdan, 7);

bang-īdan опьяняться бангом от bang — банг (bangīdan, 7);

tufang-īdan стрелять из ружья, грозить ружьем от tufang — ружье (tufangīdan, 7);

raft-īdan уходить, образовано от гл. raftan через прибавление окончания -īdan к основе прош. врем. raft (raftīda, 67);

ci-īdan чем становиться, во что превращаться от ci — что (ciad, 136; bi-ciam, 120);

gum-īdan пропадать, исчезать от gum — пропавший, исчезнувший (bi-gum — исчезни, 152).

b) *Арабски:*

qāṣir-īdan укорачиваться от qāṣir — короткий (qāṣirad, 3);

bay'-īdan продавать от bay' — продажа (mī-bay'ad, 5);

mumkin-īdan быть возможным от mumkin — возможный (mumkinad, 6); созданная Тарзй форма вполне равноценна обычному mumkin-ast и отличается только метрически;

rukḥṣat-īdan быть дозволенным от rukḥṣat — дозволение (na-mī-rukḥṣatad, 6);

sahām-īdan делать мишенью от sahām — мишень (sahāmīda, 7);

qand-īdan услаждать, подслащать, «сусахаривать» от qand — сахар (na-qandīda, 7);

'aḡz-īdan докладывать от ('aḡz — доклад) 'aḡz, 9 — пов. накл. доложи, вм. 'aḡz kun; в повелит. наклон. 2-го л. ед. ч. такие глаголы естественно совпадают с самой арабской основой и потому иногда понимание бывает крайне затруднительно;

khauf-īdan бояться от khauf — страх (na-khaufam, 9);

ṣil-īdan одарять от ṣila — подарок с отпадением конечного -a (как выше при mīva) (na-mī-ṣilad, 10);

izṭirāb-īdan смущаться, волноваться от izṭirāb — волнение (ma-izṭirāb, 14);

ta'ajjub-īdan удивляться от ta'ajjub — удивление (ma-ta'ajjub, 14).

Количество примеров этого типа может быть с легкостью умножено до нескольких тысяч, так как в каждом бейте таких глаголов имеется по несколько.

В первый момент они удивляют читателя, к середине дивана начинают утомлять своей навязчивой монотонностью, но под конец уже воспринимаются как нечто совершенно нормальное и понятное.¹

с) *Турецких:*

Эти образования наиболее резко выделяются своей необычностью. Их довольно много, но все же значительно меньше, чем образований от арабских основ. Характерная их особенность в том, что большая часть их образуется от турецких глагольных основ, которые используются совершенно так, как если бы они были основами персидскими. Однако есть и образования отыменные, как в первых двух группах.

1) *От глагольных основ:*

kas-īdan резать от $\sqrt{\text{kes}}$ — резать (kasand — чтобы они отрезали, 4);
qil-īdan делать от $\sqrt{\text{qil}}$ — делать (qilīd — сделал, 33);
min-īdan садиться верхом от $\sqrt{\text{min}}$ — садиться верхом (mī-minad — садиться верхом, 49);

īc-īdan пить от $\sqrt{\text{īc}}$ — пить (na-mī-īcad — не пьет, 74);

āc-īdan открывать от $\sqrt{\text{ac}}$ — открывать (ācīdam я открыл, 104);

qāc-īdan бежать от $\sqrt{\text{qac}}$ — бежать (qācīdam — я обратился в бегство, 105).²

2) *От именных основ:*

qarāc-īdan стать цыганом от qaracī — цыган (qārācīdam — я оцыганился, 104);

ūzūn-īdan удлинять от uzun — длинный (ūzūnīda am — я удлинил, 7).

В. Глаголы, образованные от сложных слов

Эта категория чрезвычайно разнообразна, так как здесь основы берутся самого различного типа — имена в соединении с суффиксами, предлогами, пары имен, соединенные союзами, предлогами и т. п. Лучше всего

¹ Отмечу между прочим еще, что глаголы этого типа имеют широчайшее применение в пушту, где они как раз заменяют персидские сложные с kardān и shudān глаголы, напр. ghalatedal — ошибаться, qatledal — быть убитым, mashghūledal — быть занятым и т. п.

² Аналогичное явление — смешение глагольных основ — наблюдается в ходжендском диалекте таджикского языка, где точно так же пользуются узбекскими основами при сохранении структуры таджикской, в результате чего получаются формы вроде ше-qoqam — я боюсь и т. п. Весьма вероятно, что и у Тарзи это явление указывает на характерное для Азербайджана смешение двух языковых стихий и что это формы, имевшие известную базу в живой речи его среды.

это будет видно на примерах. Здесь опять-таки удобства ради можно разделить все богатство дивана на те же три категории, которые мы имели выше.

а) *Персидские основы:*

paḡī-vāg-īdan поступать как пери, от paḡī + vāg — подобный пери (paḡivāgad, 3);

namak-ba-ḡ(a)rāmīdan нарушать хлеб-соль', быть неблагодарным от namak-ba-ḡarām — неблагодарный (namak ba-ḡrāmīda, 8);

dast-pāc-īdan теряться, волноваться от dast + pāca, растерянный соотв. обычным dastpāca shudan (ma dastpāca, 14);

cāg-cashm-īdan высматривать, глядеть «во все четыре», по аналогии с cāg cashm shudan (na-mī-cāg-cashmad, 16);

bāla-sar-īdan поднимать вверх голову из sar bālā kardan (na-mī-bālā-sarad, 23);

bād-u-burūt-īdan пыжиться, важничать из bād u burūt kardan в том же значении (mī-bād-u-burūtad, 52);

ham-az-ū-t-īdan и тебе тоже от него доставаться. Необычайно сложное образование из ham az-ū + t (мест. суфф. 2-го л.) mī-ham-az-ūtad, 52;

rūz-i-khūn-īdan проводить дни в тоске от rūz-i khūn, причем изафет тоже втянут в глагол (mī-rūz-i-khūnad, 54);

naṣīḡat-pazīr-īdan быть доступным добрым советам от naṣīḡat-pazīr — принимающий добрые советы (mī-naṣīḡat-pazīrī, 54).

б) *Арабские основы:*

Здесь таких образований естественно меньше. Мною отмечены:

lau-lā-k-īdan обращаться со словами lau lā-k (если бы не ты | lau-lākīda, 3);

anīs-u-mu'nīs-īdan быть другом и возлюбленным из anīs u mu'nīs shudan (anīs u mu'nīsad, 3);

anzak-īdan быть более тонким; крайне сложное образование от anzak — арабской сравн. степ. от персидского nāzuk — тонкий (anzakad, 16).

в) *Турецкие основы:*

Все основы сплошь глагольные, отличие их от группы Ас только в том, что здесь мы имеем не голые корни, а осложненные разными суффиксами.

sāyil-īdan считаться от √sāyil — стр. зал. от √sāy — считать (sāyilīda an, 8);

ācil-īdan открываться от $\sqrt{\text{ācil}}$ — стр. зал. от $\sqrt{\text{āc}}$ — открывать (ācilīd, 59, mī-ācilad, 60, ācilīdan, 105);

gal-īdīdan приходит; странное образование от $\sqrt{\text{gel}}$ приходит с двоекратным наращением окончания.

Переходим теперь ко второй особенности сложных глаголов у Тарзи, которая заключается в своеобразной расстановке образующих эти глаголы частей.

Исходя из того положения, что в персидском сложные глаголы, полученные путем сложения имен со вспомогательными глаголами, различными префиксами вроде mī-, na-, bi-, ma- разрываются пополам, Тарзи считает возможным применять это же и к созданным им самим глаголам, вследствие чего внешний вид их еще более усложняется. Приведу ряд примеров, причем опять-таки начну с более простых и буду постепенно восходить к более сложным. В основе всех этих форм лежит постанова префикса не перед основой, а после ее, простейший пример чего мы находим в такой форме qanā'at mī !(6) — довольствуйся; пов. накл. от гл. qanā'atīdan, образованного по указанной выше системе.

Когда от этих глаголов берется настоящее время, то они в силу такой перестановки могут принимать следующий вид:

naqṣ-mī-ad (22) является недостаточным вм. mī-naqṣad от гл. naqṣīdan;

luṭf-mī-ad (27) относится любезно вм. mī-luṭfad от гл. luṭfīdan;

rāji'-na-mī-ad не возвращается вм. na-mī-rāji'ad от гл. rāji'īdan;

rīz-mī-ad (105) измелчивает вм. mī-rīzad от rīzīdan = rīza kardan.

То же в ином порядке:

na-mī-ad-inqitā' (81) не отрезает вм. na-mī-inqitā'ad от гл. inqitā'īdan;

mī-am-umīd (115) я надеюсь вм. mī-umīdam от гл. umīdīdan.

Этот принцип оказывает обратное действие и на самые простые глаголы, в результате чего получаем формы типа kush-mī-am убиваю, вм. mī-kusham.

То же может происходить и с личными окончаниями в самых простых формах, напр. am-kīst — кто я? вм. kīst-am? и даже с частицами cī agar вм. agar cī.

Когда от этих глаголов применяется прошедшее совершенное (perfectum), то и тут окончание может отрываться от основы и становиться впереди ее, как, напр.:

īda-yī-ṣayd (52) ты, изловил, вм. ṣaydīda-y-ī от гл. ṣaydīdan (صيد)

или весьма сложное:

ایده است خشت بالش و خاک بستری

вм. *khisht-bālishīda va khāk-bistarīda-ast* (153) сделал себе подушкой кирпич и ложем прах.

na-īda-farq не отличив вм. *na-farqīda* от гл. *farqīdan*.

Еще усложняются эти формы путем включения в них местоименных суффиксов, которые опять-таки могут становиться на любое место, так что получают формы:

qatl-mī-ad-at (22) убивает тебя, вм. *mī-qatlad-at* от гл. *qatlīdan*;

mī-am-kīnad (38) ненавидит меня из *mī-kīnad-am* от гл. *kīnīdan*;

mī-ash-bar-zamīnad уложит его на землю из *mī-bar-zamīnad-ash* от гл. *bar-zamīnīdan*;

na-sh-ri'āyatāndī (206) ты не соблюл его вм. *na-ri'āyatāndī-ash* от гл. *ri'āyatāndan*.

Так же могут включаться и суффиксы сравнительной степени:

buland-mī-tar-ad (125) он более возвышается вм. *mī-buland-tarad* от гл. *bulandtarīdan*.

Интересны формы:

ba-zar-mī-ad-musakhkhar (152) покоряет золотом и *mī-ad ṭab'-i navvāb-gā ṭarz-i dīgar* (159) — перестраивает настроение навваба на другой лад, где благодаря применению основного принципа личное окончание *-ā* *mī* выделяется в какой то своеобразный вспомогательный глагол вроде облегченного *mī-kunad*.

Чрезвычайно сложна структура стиха

* من خود قتیل خنجر مرگانتیده ام

«я сам стал жертвой кинжала твоих ресниц» (26), где мы можем понимать глагольную форму как образование от гл. *qatil-i-khanjar-i muzhgān-atīdan* или по-просту воспринимать это *īda-am* как эквивалент обычного *shuda am*.

Не менее сложен и стих

* مبصدا در ساعد سپیندت چون تار نبض *

«как тар пульс звучит в твоей серебряной руке» (76), где глагольная форма *mī-ṣadā-ad* разорвана включением целых трех слов.

Или:

* مه چون مناد گرفتار *

«пусть не пленит тебя, как меня» (63), где мы имеем желат. накл. от глаг. *giriftārīdan-giriftārād*, разорванное включением слов *cūn man*.

В заключение укажу еще, что эта жажда перестановок так охватывает Тарзй, что даже и в самых неожиданных сочетаниях мы опять их встречаем, как, напр. *ma-jāpā-gaṅj* (34) не обижайся, душа (моя) *vm. jāpā ma-gaṅj*.

Я думаю, что этих примеров, которые, как сказано, можно умножить до громадного количества, достаточно. Метод Тарзй стал вполне ясным, и можно перейти к выводам.

IV. Причины, вызвавшие словотворчество Тарзй

Если мы пробежим всю классическую персидскую поэзию феодального периода, мы увидим, что в отношении языка она является крайне устойчивой. Разница между языком поэтов XII—XIII и XV—XVI вв. чрезвычайно невелика, что, впрочем, и понятно, так как в основном условия, в которых работали поэты, менялись сравнительно очень мало. Основная линия развития персидской придворной поэзии чрезвычайно интересна. Как тематика, так и формы ее уже в X в. очерчиваются совершенно определенно и с тех пор остаются почти неизменяемыми. Измениться они и не могли, ибо откуда же могли бы поэты находить новые темы, когда строй жизни на всем этом протяжении оставался неизменным. Менялись династии, на место турок приходили монголы, их опять сменяли турки, но, несмотря на все эти изменения, Персия оставалась типично феодальным государством, в котором менялись только размеры наделов, их сочетания в те или иные группировки и национальность правящей верхушки, всегда, однако, стремившейся подражать своему идеальному образцу — персидской аристократии.

Но если не могла меняться тематика, то не могли изменяться и формы, ибо формы эти опять-таки порождение феодального строя и до мельчайших деталей связаны с характерными для него производственными отношениями.¹

Но какое-то изменение в поэзии все же должно было происходить. Она не могла оставаться застывшей и неизменной на протяжении долгих веков. Она и менялась действительно, ведь мы же безошибочно по нескольким строкам можем определить, относится ли то или иное произведение к XII или XVI вв. Что же в таком случае менялось? Менялась преимущественно техника, построение образов, которые, не изменяя своего содержания, постепенно все более и более усложняются, опутываются все более

¹ Анализ форм персидской классической поэзии и их связи с производственными отношениями феодализма посвящена подготовленная мною к печати работа «Персидская поэзия X века».

запутанной тканью слов и постепенно превращаются в своего рода криптограммы, доступные только для немногих знатоков и ценителей, прошедших длинную школу.

Затяжной характер феодализма на Переднем Востоке ведет, таким образом, к полному окостенению содержания и превращению поэзии в сплошную игру формой, любованию техническим мастерством поэта, повторяющего все те же давно надоевшие мысли в новых и новых оболочках поэтических фигур.

К XVII в. изошрение техники успело достичь своего крайнего предела. Достаточно только припомнить, что в Тимуридский период пышным цветом распустилась «*ти'амшā*» — поэтическая шарада, т. е. превращение поэзии в загадку было даже санкционировано особой формой. Таким образом для Тарзй, если он желал внести что то новое и свое в сокровищницу придворной поэзии, вопрос мог стоять только так: или еще более усложнить технику, или попытаться в формальной игре языком создать что-то, до тех пор неслыханное. Это утверждение не является моей догадкой, сам поэт в ряде мест своего дивана подкрепляет его. Тарзй прежде всего гордится новизной своего стиля и неоднократно это подчеркивает.

* از پادشاه می عجم کش نمی صلد *
* این اختراع تازه و طرز عجیب را *

«Я дивлюсь падишаху, что он не награждает это новое изобретение и изумительный стиль» (стр. 10).

Этот стиль по заслугам может быть оценен только знатоком:

* بصّراف معانی طرز خود را عرض ای طرزی *
* میسر از بیوقوفان قیمت لوء لوء لالارا *

«Банкиру (торгующему) глубоким смыслом предлагай свой стиль, о Тарзй, не спрашивай несведущих о цене несравненных жемчужин» (стр. 9)

* طرز طرزی که مطرّز بطراز طربست *
* بشنو ای دلبر فرزانه که اینهم طرز است *

«Обшитый каймой веселья стиль Тарзй выслушай, о счастливая красавица, ведь это же (изумительный) стиль» (стр. 24).

Тарзй признает, что стиль этот покоится на достижениях его предшественников, которых он и упоминает с уважением:

* بیاد سعدی و اهلی و حافظ *
 * غزل خوانم غزلخوانم غزلخوان *

«В память Са'дй, Ахлй и Х̄афйза, пою я газели, пою я газели, пою я газели» (стр. 114).

Это подчеркивается и тем, что Тарзй не раз влетает в свои стихи, применяя прием taḍmīn, строчки Х̄афйза, как мы это видим на стр. 111 и 124.

Но зачем все-таки он изобрел этот стиль, почему не довольствовался теми достижениями, перед которыми он сам преклонялся? И на это мы находим у него ответ:

* لفظ مکرر شده کهنه نمی لزند *¹

«Повторявшееся (= затрепанное), устаревшее слово не доставляет удовольствия» (стр. 62).

* طرز من انصافی ده ای مدعی *
 * نیست ز اشعار مکرر الذی؟ *

«Признай, о противник, разве мой стиль не приятнее затрепанных стихов» (стр. 61).

И еще:

* يك لحظه بگوش ای گل تر نا که بطرزد *
 * طرزی سخن تازه و تر غیر مکرر *

«Один миг послушай,¹ о влажная роза, тебе сочинит² Тарзй свежие и сочные не затрепанные слова» (стр. 65).

Другими словами, именно эта затрепанность, изношенность старого поэтического языка заставила Тарзй искать новых путей и создать такой необычайно сложный и своеобразный стиль.

Остается еще один вопрос. Почему именно Тарзй, а не какой-нибудь другой, может быть более крупный поэт, рискнул предпринять такую дерзкую попытку? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, содержится в тех биографических данных, которые были приведены выше. Тарзй не удалось втянуться в орбиту феодального замка так, как может быть ему самому этого хотелось бы. Он все-таки остался outsider, не допущенным

¹ Букв. «по-ух-ай!».

² Букв. «на-тарзит».

в сферы, презираемым военной аристократией горожанином. Это ясно ощущается из его враждебных выпадов по адресу аристократии. Да, наконец, и самая то его реформа, в конце концов, ведь свидетельствует о том, что он чутко прислушивался к языку базара, к живому языку своей среды, не закованному в латы феодальных традиций. Об этом говорит и обилие турецких слов, несомненно, имевших в то время широкое распространение в обиходе, и обилие упоминания о «прозаических» предметах обихода, не допускавшихся в стихах классическими традициями.

Но та же самая причина, которая дала ему возможность сделать свою попытку, одновременно с этим сделала эту попытку неприемлемой для тех кругов, для которых он ее предназначал. Аристократия почувствовала скрытую враждебность «нового стиля» Тарзй и отвергла его. Правда, мы не имеем отзывов современников о его поэзии, но самый факт полного молчания тезкире и, наконец, необычайная редкость рукописей показывает, что распространением его стихи не пользовались, т. е., другими словами, не нравились или были непонятны.

Так бесславно мелькнул на небе персидской поэзии этот блестящий метеор и угас, не оставив после себя следа. А блестящим, мы назвать его имеем полное право, ибо, помимо его реформы, художественная ценность которой все же весьма сомнительна, в целом ряде стихотворений более простых и искренних он предстает перед нами как поэт, одаренный настоящим поэтическим талантом. Некоторые небольшие его стихотворения проникнуты мягкой певучестью и в своей простоте и задушевности могут быть причислены к прекрасным образчикам персидской поэзии.

К числу таких газелей нельзя не отнести следующую газель (стр. 59):

میطرزم و میلرزم دیوانه چنین باید * میسوزم و میسازم پروانه چنین باید
 نه خان و نه سلطانم نه بندهء ایشانم * ام کیست نمیدانم فرزانه چنین باید
 جز کنج غمت جانانی در دل ویرانا * در ملک سلیمانا ویرانه چنین باید
 بگشالِب خندان را بنما در دندان را * گو خازن عمان را در دانه چنین باید

* بروی ذقن طرزی آن خال خوش افتاده *

* بر سبب صفاهانی بهرانه چنین باید *

«Я слагаю стихи и дрожу — таким должен быть дивона.

«Я горю и мирюсь — таким должен быть мотылек.

«Я — не хан, не султан и не раб я их, кто я — не знаю, таким должен быть мудрый.

«Кроме сокровища тоски по тебе, нет ничего в руине сердца, душа моя, в царстве Сулеймана, таковы должны быть руины.

«Открой смеющиеся уста, покажи жемчуга зубов, скажи казнохранителю южных морей — вот каковы должны быть жемчужины.

«На подбородок, о Тарзи, прекрасно упала та родинка, таким должно быть зерно айвы на исфаханском яблоке».

По содержанию она, конечно, ничего особенного не представляет, но искусно использованный метр *هزج مثنیٰ اخرب* ---|---|---|--- в сочетании с внутренней рифмой показывает, что Тарзи внимательно читал стихи Джалаладдина Руми и вполне усвоил их песенную форму. Газелей этого типа в диване имеется около десятка.

Интересны опыты Тарзи в области метрики. Он не довольствуется обычными широко распространенными метрами и иногда прибегает к сравнительно редким схемам. Так, на стр. 81 находим довольно интересно построенный камиль с таким началом:

* منم آنکه از برای تو طرزك تازه کردم اختراع *
* توئی آنکه می تغافل و غزلی نیکنی استماع *

«Я тот, который ради тебя изобрел новый стильчик, ты — тот, который не обращает внимания и не слушает даже и одной газели».

Забавным метрическим фокусом является *baħr-i ṭavīl* (стр. ڪ).
 ڪ

Ṭavīl этот, применяемый персидскими поэтами в шуточных стихах, не имеет ничего общего с арабским метром того же названия. Слово *ṭavīl* здесь взято в своем основном значении, т. е. «длинный», и основной чертой этого типа стихотворения является совершенно непомерная длина его полустихий, которые могут быть построены по любому метру. Тарзи использует для этой цели обычную схему рамалая и строит такие чудовищные бейты (привожу две первых строки):

شكر لله كه بکلید مرا دیده، ز خاک در قومی، که ز اولاد رسولند، بر
افلاک قبولند، گروهی، همه پاکیزه و خوشصورت و نیکو سیر و پاک سرشت و
ملکی خوی، یافتم از اثر صحبتشان، فیض فراوان و برون از حد و اندازه
و درسیدم و درکیدم و علمیدم و فهمیدم، اگر بگذرد ایام من این نوع بمانم علمارا.

گرچه عمرم بجهان بيهده گر دیده، فرنگیدم و ترکیدم و ناتیدم و گرچیدم
و روسیدم و لزیگیدم و بیافایده گشتم، پس ازین دست من و دامن آن طایفه
کز همت ایشان بخروج ز صفاهان و بشیرازم و آنگاه حجازیده و حجیده
زیارت بکنم مرقد پاک شورا را.

«Слава Аллаху, что насурмил он мне очи прахом порога людей, кото-
рые принадлежат к потомкам пророка (находятся) на небосводах приятия,
людей, которые все чисты и прекрасны собой и добры нравами и чисты по
происхождению и ангелы по характеру. В результате общения с ними
я обрел великое благо свыше предела и меры и учился и постигал и изу-
чал и понимал. Если так пройдут мои дни я дам мат¹ (всем) улемам.

Хотя жизнь моя и бесполезно прошла в мире, я франкствовал и туре-
чился, и отатился, и огрузинился, и обрусел, и олезгинился, и бесполезно
блуждал, но теперь рука моя всегда будет у полы тех людей, заботами
которых я ухожу из Исфахани и направляюсь в Шираз, а потом в Хиджаз
и хадж и поклонюсь чистой гробнице мучеников».

Здесь бейт растянут на 31 стопу в то время как нормальной длиной
рамаля обычно является восемь стоп, т. е. раздут в четыре раза.
Конечно, при таких условиях художественный эффект стиха почти пропа-
дает, так как, пока доберешься до его конца, почти забываешь первую
рифму и, таким образом, связь между бейтами, которая и так в персидской
поэзии весьма слаба, окончательно разрывается. Однако, как шутка, этот
метр, конечно, чрезвычайно эффектен и требует значительного искусства
версификатора.

Интересно здесь и перечисление национальностей, с которыми общался
Тарзй, хотя определить, в какой мере эти утверждения соответствуют
действительности, возможности пока не представляется.

В заключение отмечу, что издана книга тщательно и аккуратно,
опечаток значительно меньше, чем это наблюдается обычно в персидских
изданиях, разночтения двух рукописей, видимо, вписаны добросовестно.

Следует поблагодарить издателя М. Тамадуна за то, что он защитил
от исчезновения этот своеобразный памятник персидской литературы
и сделал его доступным для более широких кругов исследователей.

Ленинград, 29 мая 1933 г.

¹ bi-mātam от глагола mātidan = māt namūdan.